

Хазов Никита Константинович

Г. С. САБЛУКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЛИГИИ

В предлагаемой публикации анализируется характер научного наследия выдающегося деятеля российского дореволюционного миссионерского востоковедения Гордия Семеновича Саблукова. Рассматриваются основные направления его научных интересов, базовые идейные установки Г. С. Саблукова как исследователя религии, а также их эволюция в процессе жизни востоковеда. Пристальное внимание уделяется его работам так называемого саратовского периода, недостаточно еще изученных на сегодняшний момент.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/61.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 234-237. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Никольская-Береговская К. Ф.** Русская вокально-хоровая школа от древности до XXI века: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2003. 304 с.
7. **Преображенский Александр Васильевич** (1880-1963) [Электронный ресурс]. URL: <http://uscons.ru/istoriia/preobrazhenskii-aleksandr-vasilevich-1880-1963> (дата обращения: 15.08.2017).

A. V. PREOBRAZHENSKY'S ROLE IN THE FORMATION OF URAL CHORAL PERFORMING SCHOOL

Frolova (Katanaenko) Tat'yana Mikhailovna
Kemerovo State University of Culture and Arts
frolovatiana.2010@mail.ru

The article examines the formation and development of Ural choral performing tradition in the middle of the XX century. The paper identifies the role of Alexander Vasilevich Preobrazhensky, the graduate of Synodal school, in the formation and consolidation of Ural choral performing school, a brilliant choral tradition of the turn of the XIX-XX centuries. The author describes the basic conditions of training professional choirmasters at the Choral Conducting Department of the Ural Conservatoire named after M. P. Mussorgsky. The researcher emphasizes the importance of teaching and choirmaster activity of conservatoire graduates as the successors and propagators of Synodal school traditions all over the country.

Key words and phrases: A. V. Preobrazhensky; Synodal school; Ural choral performing school; choral art; choral education; Ural State Conservatoire; teachers and graduates of Choral Conducting Department and their achievements.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В предлагаемой публикации анализируется характер научного наследия выдающегося деятеля российского дореволюционного миссионерского востоковедения Гордия Семеновича Саблукова. Рассматриваются основные направления его научных интересов, базовые идейные установки Г. С. Саблукова как исследователя религии, а также их эволюция в процессе жизни востоковеда. Пристальное внимание уделяется его работам так называемого саратовского периода, недостаточно еще изученных на сегодняшний момент.

Ключевые слова и фразы: Г. С. Саблуков; исследование религии; ислам; миссионерское востоковедение; ориентализм.

Хазов Никита Константинович

Санкт-Петербургский государственный университет
nikita.hazow@gmail.com

Г. С. САБЛУКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЛИГИИ

В ряду признанных российских исламоведов середины – второй половины XIX века современные исследователи заслуженно выделяют профессора Гордия Семеновича Саблукова (1804-1880). В историю научной мысли Г. С. Саблуков вписал себя переводом «Родословного древа тюрков» хивинского хана Абу-л-гази, первым в России переводом Корана с арабского языка, а также своими исламоведческими трудами, самыми известными из которых стали его «Приложения к переводу Корана» (1879) и «Сведения о Коране» (1884). Эти, а также ряд других работ, написанные в так называемый казанский период жизни исследователя, сегодня являются основными источником для реконструкции интеллектуального образа дореволюционного востоковеда. Однако, по нашему мнению, такой односторонний подход не может гарантировать объективной оценки исследовательского наследия и личности Г. С. Саблукова. Образ исследователя не получится полным, если при его воссоздании игнорировать ранние статьи востоковеда, например, «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства», «Очерк генеалогии, географии и образа жизни половецкого народа» или «Очерк истории и внутреннего быта хазарской державы на Волге». Данные работы относятся к «саратовскому этапу» в жизни Г. С. Саблукова, когда он находился под влиянием целого ряда выдающихся исследователей своего времени, таких как историк Николай Иванович Костомаров, археолог и этнограф Александр Власьевич Терещенко, востоковед Христиан Данилович Френ. Эти контакты позволили будущему востоковеду сформировать свой особый исследовательский стиль, который, как мы покажем дальше, сохранится в его работах на протяжении всей исследовательской карьеры.

В саратовский период, находясь под влиянием идей романтизма, Г. С. Саблуков прилагает их к исследованию истории и культуры не только собственного народа, как, например, в статье «Семики», но и «восточных» соседей. Так, в статье «Черты из жизни русских татар», в которой Г. С. Саблуков приводит широкий этнографический материал, собранный им во время посещения татарских деревень Саратовской области, автор не пытается противопоставлять европейскую или русскую культуру культуре «инородцев». Наоборот, описывая традицию пения хутбы у татар, он определяет ее место в одном ряду с «волшебными звуками Россини, Бетховена» [10, с. 172].

Другим примером, на наш взгляд прекрасно характеризующим подход востоковеда, являются его замечания из «Очерка истории и внутреннего быта хазарской державы на Волге». Описывая религиозный состав населения хазарского каганата, где политическая верхушка в свое время приняла иудаизм, Г. С. Саблуков пишет так: «Удивительным покажется, что еврейская вера, гонимая и презираемая во всем свете, нашла себе в юговосточном углу нынешней России, тогда едва известной остальному миру, не только свободу, но первенство, и, вместо того, чтобы мстить врагам своим, первая показала пример веротерпимости, которой несомненно достигли поклонники Богочеловека, Которого вся жизнь на земле была образцом терпения и терпимости» [7, № 9, с. 18].

Это не единственное обращение Г. С. Саблукова к теме религиозной толерантности, взаимного сосуществования различных конфессий. В одной из первых своих работ, которая была опубликована под именем саратовского епископа Иакова (Вечеркова), «Состояние православной Российской церкви в царстве Кипчакской или Золотой Орды», востоковед подробнейшим образом останавливается на истории возникновения и существования Сарайской епархии. Несмотря на то, что в исторической литературе того периода, как справедливо замечает Сеймур Бекер, для обозначения восточных и южных соседей России, в первую очередь татар, «стандартными ярлыками являются “варвары”, “разбойники” и “хищники”» [11, р. 33], Г. С. Саблуков в своей работе избегает подобных определений, стараясь объективно оценивать разные достижения монгольского государства, в том числе его веротерпимость. Так, он пишет: «Монголы или татары, лишив Россию свободы гражданской, не стесняли её православия, и как бы хотели доказать, что они “не были враги Бога Русского”. Потому церковь христианская вселялась на несколько времени в самой столице их Сарае» [9, с. 38]. Особое место в статье уделяется теме активных контактов ханов с православными иерархами и вопросу существования в столице Золотой Орды христианского храма, на который Г. С. Саблуков отвечает положительно.

Разумеется данное исследование нельзя назвать полностью беспристрастным, поскольку косвенно оно носило чисто практические с миссионерской точки зрения цели. Так, волгоградский исследователь В. М. Захаров считает, что епископ Иаков, по указанию которого и писал свою статью Г. С. Саблуков, хотел использовать данные о существовании в золотоордынских городах православных церквей для обращения в православие татар [3, с. 23]. Однако более точно, на наш взгляд, мотивировку Г. С. Саблукова и саратовского владыки смог подметить А. Л. Клейтман, который считает, что в задачи данной статьи в первую очередь входило удревить историю присутствия Православной церкви на территориях Саратовской губернии, тем самым повысив ее статус в глазах «инородцев» [4, с. 108].

О веротерпимости тюрок Г. С. Саблуков будет говорить и в одной из глав своего пространного «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства». «Приняв ислам, – пишет Г. С. Саблуков, – ханы не сделали фанатиками... не употребляли насилия совести других, не обнаруживали ревности распространять свое исповедание в подвластных им народах» [6, с. 50]. При этом Г. С. Саблуков отмечает, что отдельные случаи религиозных притеснений имели место в истории русско-золотоордынских отношений, однако носили сугубо частный характер. Русское предание о походе Щелкана на Тверь с целью обращения жителей этого княжества в ислам Г. С. Саблуков и вовсе отвергает как исторически сомнительное. Вместо этого он предлагает опираться на тексты ханских ярлыков, которые «ясно свидетельствуют о веротерпимости ханов» [Там же]. Основываясь на данных арабоязычных и тюркских источников, Г. С. Саблуков также делает абсолютно верные выводы о времени принятия ислама в золотой орде, о роли суфийских орденов в выборе веры.

Безусловно, выбранные Г. С. Саблуковым темы исследовательских работ во многом были обусловлены социально-политическими реалиями современного ему российского общества. Однако важно при этом видеть, какие грани данных тем подчеркивает исследователь. Сегодня, конечно, трудно судить о мировоззренческих и уж тем более о политических взглядах Г. С. Саблукова в тот период. Реконструировать их представляется возможным только по свидетельствам его современников, пусть иногда и весьма косвенным. В этой связи интересны замечания саратовского исследователя А. А. Демченко, проведшего анализ того, как описывал Г. С. Саблукову его бывший ученик Н. Г. Чернышевский петербургского профессора всеобщей истории М. С. Куторга. «О “ревностном защитнике всех оскорбляемых и унижаемых” (под «оскорбляемыми и унижаемыми» понимаются имеющие негативную оценку в академической литературе того времени лидеры демократического движения античной Греции. – Н. Х.), о важности смотреть на предмет “со своей точки зрения” Чернышевский не стал бы сообщать человеку, не разделяющему его симпатий. В словах Чернышевского позволительно видеть отзвук взглядов самого Саблукова, как они были известны Чернышевскому по урокам всеобщей истории в семинарии, – взгляды человека, сочувствующего “партии реформы и демократии”» [2, с. 82].

Принцип сочетания критики источников с уважительным отношением к объекту исследования, на наш взгляд, сохранится и в более поздних работах Г. С. Саблукова. Данные работы будут им написаны в так называемый казанский период, заметно контрастирующий с начальным этапом карьеры востоковеда. В это время Г. С. Саблуков будет вовлечен в работу противомусульманского отделения Казанской духовной академии, что несомненно отразится на характере его работ, они станут намного полемичнее и жестче. И. Ю. Крачковский в своей статье «Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков» справедливо замечает, что «из востоковеда археолога-историка, который так успешно развивался в саратовский период, он (т.е. Саблуков. – Н. Х.) превратился в востоковеда-миссионера, и можно утешаться только тем, что для арабистики его деятельность в Казани прошла не бесплодно» [5, с. 221]. Но мы можем предположить, что именно благодаря саратовскому бэкграунду Г. С. Саблуков и сумел сохранить исследовательский потенциал даже в условиях жестких требований казанских духовных училищ.

В казанский период Г. С. Саблуков приступает к активному исследованию Корана, что становится, по мнению российского исследователя Р. М. Валеева, «новым шагом в целенаправленном изучении основного первоисточника мусульманского вероучения» [1, с. 59]. Основным методом в изучении Корана исламовед избирает сравнительный анализ коранических сюжетов и идей с иудейским и христианским материалом. Однако востоковеду удается избежать абсолютизации влияния двух других авраамических религий на положения ислама, он учитывает роль и доисламских представлений, и собственный взгляд Мухаммеда.

И вновь, как в произведениях раннего периода, мы систематически видим попытку автора отметить особые достоинства, в том числе и эстетические, исследуемого им предмета. Комментируя отрывок из суры «Ан-Нахль», Г. С. Саблуков пишет: «Описание Бога, свойств Его, указание на более занимающие ум явления в природе и в жизни человека, соответствуют в речах Корана самому предмету: они живы, прекрасны, высоки. <...> Эти места Корана и несколько других, рассеянных по страницам этой книги, стоят выше многих произведений в арабской словесности. Но эти достоинства не дают основания считать эту книгу небесною, божественною, каковой считают ее мохаммедане» [8, с. 264]. Как мы видим, данный пассаж, как и множество других ему подобных, хотя и несет в себе явно полемическую нагрузку, в то же время содержит и объективную оценку, и признание литературных достоинств текста Корана.

Несмотря на конфессионально ангажированный характер «Сведений о Коране» Г. С. Саблукова, мы не найдем в тексте работы, например, попытки связать историю создания Корана пророком Мухаммедом с его психикой или национальными особенностями характера. Вместо этого мусульманский пророк описывается как искусный художник, изысканно рисующий картины коранического повествования, что с одной стороны отражает осознание исламоведом литературной ценности текста Корана [Там же], а с другой стороны подобные определения так же подчинены полемической цели его труда, стремящегося опровергнуть мусульманское представление о божественности Корана, его неизменяемости и предвечности. Именно этот тезис становится главной мишенью в исследовании казанского востоковеда. Оценка им влияния традиции кяхинов на проповедь Мухаммеда, изучение лексических заимствований в тексте Корана, исследование еврейского, христианского и доисламского арабского воздействия на строй и содержание священного текста мусульман – все это хотя и подчинено полемическим задачам, при этом несет в себе верные научные характеристики.

Именно полемический, миссионерский характер работ Г. С. Саблукова, особенно поздних, вызвал критику младших его современников – светских исследователей. По нашему мнению, несмотря на определенную долю конфессиональной ангажированности, в трудах Г. С. Саблукова мы можем увидеть весьма прогрессивные замечания, несвойственные для времени и среды, к которым принадлежал автор. Не стоит забывать, что научная деятельность дореволюционного востоковеда имела место в 40-70-х гг. XIX века, в эпоху, когда в европейской интеллектуальной среде доминирующее место занимала концепция бинарного противопоставления Востока и Запада. Работы Г. С. Саблукова, в которых особое место уделяется достоинствам восточных культур, месту веротерпимости в истории восточных народов, заметно выделяются из господствовавшей тогда научной парадигмы.

Исследовательская деятельность дореволюционного востоковеда совпала с периодом грандиозных социально-экономических, политических и культурных изменений, происходивших в России, которые, безусловно, не могли не затронуть самого исламооведа. По мере развертывания имперской политики этно-конфессиональной унификации увеличилась и степень давления на таких исследователей, как Г. С. Саблуков, в которых власть видела свою опору в деле русификации. Несмотря на то, что это влияние, безусловно, отразилось на характере исследований востоковеда, они стали жестче и полемичнее, мы должны признать, что он не изменил усвоенному еще на раннем этапе карьеры методологическому подходу: сочетать критику источников с уважительным отношением к объекту своего исследования. Это позволило востоковеду сохранить высокий академический уровень своих изысканий и, как следствие, внести позитивный вклад в процесс развития отечественной науки о религии.

Список источников

1. Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX века. Казань, 1993. 93 с.
2. Демченко А. А. Молодые годы Николая Чернышевского. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. 238 с.
3. Захаров В. М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920). Волгоград: ВолГУ, 2005. 184 с.
4. Клейтман А. Л. Епископ Саратовский и Царицынский Иаков (Вечерков) в церковной и общественной жизни России первой половины XIX века. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 232 с.
5. Крачковский И. Ю. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: в 6-ти т. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 1. С. 213-224.
6. Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань: Университетская типография, 1895. 60 с.
7. Саблуков Г. С. Очерк истории и внутреннего быта хазарской державы на Волге // Саратовские губернские ведомости. 1849. № 8. С. 11-15; №9. С. 16-19.
8. Саблуков Г. С. Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения. Казань: Университетская типография, 1884. 386 с.
9. Саблуков Г. С. Состояние православной Российской церкви в царстве Кипчакском или Золотой Орды // Ученые записки Казанского университета. 1842. Т. 2. С. 38-54.
10. Саблуков Г. С. Черты из жизни русских татар. А.) Пенне // Саратовские губернские ведомости. 1846. № 25. 27-29. С. 171-173.
11. Becker S. The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography // Central Asian Survey. 1986. Vol. 5. № 3/4. P. 25-47.

G. S. SABLUKOV AS A RESEARCHER OF RELIGION

Khazov Nikita Konstantinovich
Saint Petersburg University
nikita.hazow@gmail.com

The article analyzes the nature of the scientific heritage of the outstanding figure of the Russian pre-revolutionary missionary oriental studies Gordii Semenovich Sablukov. The main directions of his scientific interests, basic ideological principles of G. S. Sablukov as a researcher of religion, as well as their evolution in the life of the orientalist, are considered. Close attention is paid to his works of the so-called Saratov period, which have not been sufficiently studied at the moment.

Key words and phrases: G. S. Sablukov; research of religion; Islam; missionary oriental studies; Orientalism.

УДК 394.014

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению современного состояния миноритарных языков северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов, челканцев. На основе результатов этносоциологического опроса впервые осуществлена оценка уровня языковой компетенции северных алтайцев (в том числе в разных возрастных группах), проживающих в городской местности. Проанализирована функциональная нагрузка языков данных народов – частота их употребления в повседневном общении с родителями, с супругой/супругом, с детьми и на работе. Сформулирован вывод о неблагоприятном состоянии родных языков в исследуемой среде коренных малочисленных народов.

Ключевые слова и фразы: северные алтайцы; коренные малочисленные народы; кумандинцы; тубалары; челканцы; миноритарный язык; город Горно-Алтайск.

Чемчиева Аржана Петровна, к. филос. н.

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
chemchieva@gmail.com*

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДЕ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА**

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 16-06-00389 А).

На протяжении многих лет общественные деятели северных алтайцев (кумандинцев, тубаларов, челканцев), признанных коренными малочисленными народами, выражают обеспокоенность по поводу положения и состояния своих родных языков. Они отмечают, что миноритарные языки северных алтайцев оказались на грани исчезновения и сфера их употребления сужается с каждым годом [2, с. 15; 7; 8, с. 258; 10].

Проблема современного состояния родных языков кумандинцев, тубаларов, челканцев нашла отражение в ряде исследовательских работ [1; 3; 5; 6; 9]. В каждой из них признается, что языковая ситуация в местах компактного проживания северных алтайцев характеризуется развитием кризисных явлений. Так, результаты этносоциологического исследования, проведенного в 2004 г. в сельских поселениях северных алтайцев в Майминском, Турочакском и Чойском районах Республики Алтай, показали, что свободно (т.е. умели свободно разговаривать, писать и читать) владели своим языком 27,8% кумандинцев, 21,7% тубаларов и 76% челканцев. Было выявлено, что языки северных алтайцев теряют свои социальные функции и в кумандинских и тубаларских семьях практически прервалась традиция передачи языка от родителей детям [9, с. 164-169].

В то же время среди исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, отсутствуют работы, содержащие данные по языковой ситуации в среде городских северных алтайцев. Этот информационный пробел могут восполнить материалы нашего социологического опроса, проведенного в августе 2016 г. в рамках исследовательского проекта по проблемам урбанизации коренных народов Алтая (2016-2017 гг.). Благодаря этому опросу мы располагаем актуальными данными о состоянии родных языков кумандинцев, тубаларов и челканцев, проживающих в г. Горно-Алтайске. Опрос респондентов проводился методом структурированного интервью. Объем выборочной совокупности составил 146 респондентов, из них – 64 мужчины (43,8%) и 82 женщины (56,2%) в возрасте от 18 лет и старше. В каждой семье опрашивался один человек. Средний возраст респондентов составил 42 года. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее относительная ошибка не выходит за пределы 10%.

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов социологического опроса, отметим, что по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в г. Горно-Алтайске проживало 440 кумандинцев, 301 тубалар и 179 челканцев [4, с. 128]. Из них в ходе переписи родным назвали язык своей этнической группы 37,5% кумандинцев, 14,6% тубаларов и 48,6% челканцев. Литературный алтайский язык назвали в качестве родного языка 2% кумандинцев, 24,2% тубаларов и 7,8% челканцев [Там же, с. 138-139]. Обратим внимание, что в ходе переписи граждан в качестве родного мог указать лишь один язык.